

В. Г. Белинский

**<Сочинения Николая
Греча>**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Николая Греча

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2900895

Аннотация

«...Г-н Греч написал два романа и одну повесть; но мы тем не менее почитаем его совершенно чуждым сферы поэзии, понимая под этим словом искусство, творчество, художество; но это не мешает нам смотреть на его романы, как на приятный подарок публике, как на сочинения, имеющие большое литературное достоинство. Вообще, по нашему мнению, г. Греч не поэт, не ученый, но литератор, по достоинству занимающий в нашей литературе одно из видных мест и оказавший ей большие услуги. Что такое литератор? – Публицист, литературный фактор при публике, человек, который, не произведя ничего прочного, безусловного, имеющего всегдашнюю цену, пишет много такого, что имеет цену современности; не научая, дает средства научаться; не восторгая, доставляет удовольствие...»

Содержание

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский <Сочинения Николая Греча>

111. Сочинения Николая Греча. Санкт-Петербург. 1838. Пять частей: I – 270; II – 260; III – 274; IV – 374; V – 366 и XX (8). С эпиграфом:

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
Дмитриев.^[1]

«Нет правды на свете!» – восклицают утвердительно угрюмые скептики, иные разочарованные опытом, иные ожесточенные неудачами, иные просто по сознанию собственной неправдивости. С такими людьми нечего и спорить: они слепы от рождения, и зрячие никогда не уверят их, что на небе каждый день ходит *красное* солнышко и разгоняет темноту ночи и что самые ночи часто освещаются *красным* месяцем. Но есть другие скептики, не столько важные, но не менее упрямые: эти от всей души убеждены в дерзкой мысли, что будто бы «нет правды в журналах». Господи боже мой, что за свет такой нынче стал: ничему не верят, во всем сомневаются, даже – могу ли выговорить без ужаса! – даже – в журналах! Но шутки в сторону; поговорим серьезно. Лжи,

умышленной и неумышленной, в журналах так же много, как и во всех делах человеческих, но в них же много и святой истины, хотя и гораздо меньше, чем лжи. Но живет одна истина, и действительна только одна истина: ложь есть призрак – и если бывает действительна, то не иначе, как отрицательная истина, как служительница истине. Мир так чудно устроен, что во всех процессах его жизни видишь большую частью одну ложь и редко, редко святую истину; но результатом этих процессов *всегда* бывает только истина и *никогда* ложь. То же и в журналах. Было время, когда нападки на Пушкина сделались каким-то критическим удалством и щегольством. Дело зашло так далеко, что один журналист (не помним его имени) в *седьмой* главе «Онегина» увидел – что бы вы думали? – *совершенное падение, chute complete*, и второпях, на радости, неосторожно поспешил провозгласить его на двух языках: русском и французском.^[2] Другой журналист того же разбора встретил появление «Бориса Годунова», это громадное создание великого гения, драгоценнейшее достояние отечественной литературы, – встретил его плоским пасквилем в дурных виршах:

И Пушкин стал нам скучен,

И Пушкин надоел:

И стих его не звучен,

И гений охладел.

«Бориса Годунова»

Он выпустил в народ:

Убогая обнова!

Увы! на новый год!^[3]

Но что же? – всё это послужило не к унижению, а к возвышению поэта: споры, толки и крики заставили глубже взглянуться в его творения и тем вернее оценить их; а ожесточенное гонение показало только то, что чем огромнее слон, тем сильнее претензии мосек на храбрость. Это быль, а теперь мы скажем сказку, для доказательства той же истины. Этого нет, но предположим, что это есть; предположим, что несколько журналов, как будто бы стакнувшись, изо всех сил хлопотали об унижении, например, хоть Гоголя, уверяя, что всё его достоинство состоит в комизме, и то тривиальном.^[4] Что же? Вы думаете: публика поверит журналистам? Нет: в их криках она услышит оханья от царапин, нанесенных маленькому самолюбию какою-нибудь журнальной статьею вроде литературного обзора или отчета;^[5] в их воплях она услышит стоны от глубоких ран, нанесенных самолюбивой посредственности гордым дарованием; услышит скрежет зубов бледной зависти, раздраженной презирающим ее достоинством; следовательно, в самой лжи публика откроет истину. Слава богу, что всё это только предположение, а не факт; но если бы это был факт, то журналисты, которых мы предположили, ошиблись бы в своем намерении и на зло самим себе способствовали бы утверждению истины. Всё, что ни живет, ни действует, всё служит духу истины; только одни

служат ему с целью служить именно ему, следовательно, сознательно, а другие служат ему, думая служить своим конечным, мелочным целям.

Отделение критики и библиографии в журнале многие считают не только бесполезным, но и вредным, потому что, говорят они, это-то отделение журнала и есть фокус его пристрастия, недобросовестности, лжей, клевет; тут раздаются похвалы и венки бессмертия писателям своего прихода, и тут же унижаются и уничтожаются все чужие, не наши. Эта картина преувеличена, но в ней есть и правда. Повторяем: где люди, там и несправедливости, ошибки, пристрастие, ложь, но там же и истина. Умейте только открыть ее в самой лжи, и вас не обманут. Вы дались в обман, – сами виноваты. Что ж делать, если иной читатель, прочтя насмешливую похвалу какой-нибудь книжонке, которой журналист не разбирает, но над которой он тешится, примет брань за похвалу и купит книгу? В одном журнале книгу хвалят, в другом ее бранят: кто же прав? – Решайте сами. Если вы не в состоянии отличить холодных похвал, вынужденных расчетом или обстоятельствами и состоящих в общих местах и форменных комплиментах, от похвалы задушевной, искренней, теплой, вышедшей из одушевления предметом похвалы, – то опять вы же виноваты. Если вы не умеете отличить хитро-сплетений пристрастия от прямодушного отзыва, – то опять-таки вините не журналы, а самих себя. Кроме того, разногласие журналов в отзывах о книгах происходит гораздо бо-

лее от разности их взгляда на вещи, нежели от умышленного пристрастия. Зачем везде видеть одну недобросовестность? Я берусь вам доказать неопровержимыми фактами, что из *тысячи* сочинений, разобранных в продолжение года нашими журналами – не оцененных или похуленных вследствие недоброжелательства к авторам, пристрастия и расчета, наберется едва ли 100, а если из остальных 900 не все оценены по достоинству, то не умышленно, а по свойственной людям слабости – ошибаться в истине. Следовательно; 1/10 умышленной лжи на 9/10 добросовестности, хотя и не чуждой промахов и ошибок: согласитесь, что зло еще далеко не так сильно над добром, как думают! А как часто случается читать в наших журналах единодушные отзывы об иной книге. Нет! всё благо, всё добро! Читатели, покупающие книги по рекомендации журналов, не полагаясь на собственное суждение, по недостатку данных, не напрасно так поступают: самые несметливые из них избавляют себя этим от многих обманов книжной производительности, а сметливые и совсем избегают их. И потому-то теперь библиографическое отделение сделалось непременно условием всякого журнала и первое, прежде других статей журнала, разрезывается и прочитывается нетерпеливою публикою. Кто что ни говори, а *необходимость* и *потребность* всегда возьмут свое.

Некоторые из читателей, опытных в деле журналистики, часто заранее знают, какой приговор последует в том или другом журнале той или другой книге. Так, например, мы

уверены, что многие из читателей, приступив к чтению нашей статьи или еще только увидев в ее начале титул сочинений г. Греча, скажут – иные с улыбкою удовольствия: «Посмотрим, как его тут отделали!», а иные с улыбкою недоверчивости и презрения: «Посмотрим, как тут грызутся». Но мы очень рады обмануть ожидание тех и других и доказать фактом, что не все предсказания сбываются и что в нашем журнале высказываются мнения не о *лицах*, а о *сочинениях*.

Во всяком отчете о литературных трудах первым и главным делом должно быть определение взгляда, точки зрения на рассматриваемые сочинения. В упущении из виду этого правила и состоит ошибочность суждений критиков и рецензентов. Обыкновенно прочтут роман и, не найдя в нем художественного произведения, осуждают его на аутодафе, не подумав о том, что автор и не думал претендовать на титул поэта, а хотел просто написать быль или сказку, для удовольствия и пользы читателей, и совершенно достиг своей цели, потому что нашел себе многочисленных читателей и почитателей. Что нужды, если в романе нет творчества, но есть вымысел, занимательность; нет фантазии – есть воображение; нет глубоких идей – есть верные практические замечания о жизни, плод опытности и знакомства с жизнью не по одним книгам; нет огня поэзии – есть теплота чувства; нет вдохновения – есть одушевление; нет образов – есть портреты; нет художественности в обработке – есть слог, язык? Что нужды, что это произведение не вековое, не бессмертное? – автор и

не имел на это претензии: он хотел доставить своим современникам средство к благородному или полезному развлечению – и достиг своей цели. От автора должно требовать ни больше, ни меньше того, что он обещал. Забывая это правило, бранят книгу, которая имела заслуженный успех, и тем оподазривают у публики и себя и критику. Другое дело, когда бездарный бумагомаратель или даже и писатель не без достоинств, но не поэт и не ученый, является с претензиями на художественную или ученую гениальность и, как говорится, садится не в свои сани: тогда долг критики указать ему его настоящее место.

Итак, прежде всего скажем, как смотрим мы на литературные труды г. Греча, какое место даем ему в русской литературе. В этом будет состоять и наш отчет о сочинениях г. Греча.

Г-н Греч написал два романа и одну повесть;^[6] но мы тем не менее почитаем его *совершенно* чуждым сферы поэзии, понимая под этим словом искусство, творчество, художество; но это не мешает нам смотреть на его романы, как на приятный подарок публике, как на сочинения, имеющие *большое* литературное достоинство. Вообще, по нашему мнению, г. Греч не поэт, не ученый, но литератор, по достоинству занимающий в нашей литературе одно из видных мест и оказавший ей большие услуги. Что такое литератор? – Публицист, литературный фактор при публике, человек, который, не произведя ничего прочного, безусловного, имею-

щего всегдашнюю цену, пишет много такого, что имеет цену современности; не научая, дает средства научиться; не восторгая, доставляет удовольствие.

Он пишет статью и о современном событии, отдает отчет о книге, издает журнал или участвует в нем; он историк, оратор, переводчик, путешественник, комментатор, издатель чужих сочинений с своими предисловиями, участник в литературных предприятиях, корректор; пишет книги, которые не принадлежат к области учености, но на которые все ссылаются и которыми все пользуются, как вспомогательными способами для собственных сочинений, даже ученых. Словом, литератор – *всё*, что вам угодно, и собственно *ничего*, потому что, ставши *чем-нибудь*, он делается или поэтом, или ученым в какой-нибудь сфере знания. Но это нисколько не унижает звания литератора: литератор есть лицо необходимое, человек действительный, и если он приобрел влияние на публику, то играет в современности роль историческую, в большей или меньшей степени. Его имя принадлежит истории литературы народа, а следовательно, и его просвещения, поколику литература есть выражение, сознание умственной жизни народа.

Г-н Греч написал несколько грамматик,^[7] из которых хотя ни одна не уничтожает живейшей потребности лучших учебных книг, но которые все принадлежат к лучшим сочинениям в этом роде. Скажем более: его грамматики суть важные явления в истории нашего языка, и с них начинается осно-

вательнейшее его изучение. Прежде при изложении правил русского языка более обращали внимание на язык: г. Греч обратил внимание на *русский* язык, на его видовые особенности, и потому его грамматики – драгоценная сокровищница, неисчерпаемый рудник материалов для изучения русского языка и составления грамматик. Это самая блестящая его заслуга, самое важнейшее его участие, в деле отечественного просвещения. Г-н Греч издал «Учебную книгу русской словесности»,^[8] в которой в первый раз была оставлена школьная риторическая теория и сделана попытка – дать понятие о всех родах сочинений так, чтобы юношество могло судить о литературе не по школьному образу мыслей, а по тому, который господствует в обществе, и дать правила, руководствуясь которыми юношество могло бы выучиться написать и письмо, и деловую бумагу, и записку, словом, всё, что требуется в жизни, а не хрии, порядковые и автониановские,^[9] которые пишутся в классах на заданные темы, а в жизни и литературе ни к чему не служат, а только делают из людей тяжелых педантов. Конечно, понятия, изложенные в этой учебной книге, не все новы, не все сообразны с современным взглядом на искусство и литературу, не отличаются наукообразным изложением и строгостью системы; но книга заслуживает внимание уже по одному тому, что не похожа на все бывшие и до нее и после нее опыты в этом роде. Автор его сделал свое дело и в праве сказать своим порицателям: «Сделайте лучше». Приложенная при книге хрестоматия, составляющая самую

значительную ее часть, если не отличается строгостию в выборе пьес, зато знакомит почти со всеми писателями, игравшими сколько-нибудь значительную роль в нашей литературе. Автор присовокупил даже к своей истории литературы отрывки из древних и старинных сочинений, отрывки из переложений псалмов Симеоном Полоцким, из сатир Кантемира, «Телемахиды» и «Деидами» Тредьяковского. Самая история литературы есть драгоценный сборник материалов для истории русской литературы, ручная настольная книга для литератора и всякого любителя отечественной литературы, справочный адрес-календарь деятелей на поприще русского слова. Труд не блестящий, но бесценный и стоивший своему автору больших трудов. Как жаль, что во всех последующих изданиях, после 1822 года, эта история сокращена автором. Какой бы драгоценный подарок сделал г. Греч русской литературе, если бы значительно пополнил этот труд и издал его особенною книжкою!

Возьмите *пятую* часть полного собрания сочинений г. Греча; она вся состоит из отдельных статей, из которых каждая имеет свое достоинство и по содержанию и по изложению. Между ними вы особенно заметите следующие: «Взгляд на историю русского театра», драгоценный материал для истории русского театра, собрание фактов, которые могли бы совершенно затеряться, труд, для которого надо иметь много терпения и много средств, а главное – много охоты, которую редкие имеют; «Некрологи», которые представля-

ют краткий фактический обзор литературной и ученой деятельности Карамзина, Шуберта, Федорова; «Литературные очерки и воспоминания», в которых найдете обозрения русской литературы за несколько лет и факты и подробности о Гнедиче, Мартынове, Сомове, Сухтелене, немецкой писательнице Элизе фон-дер-Рекке, Крюковском, Никольском. Тут вы найдете статью «Московские письма», где заметите приятный рассказ, многие удачно схваченные черты наших обеих столиц, несколько резких и верных замечаний и мыслей о том и о сем. Всё это изложено прекрасным языком, умно, живо, занимательно. Вот что такое литератор и вот что такое – Греч.

Г-н Греч написал два романа, принадлежащие к позднейшей литературной его деятельности. Он заплатил ими дань времени. Теперь все пишут романы или повести. Оно и легко и выгодно. Но и в романах Греч остался самим собою – литератором. «Черная женщина» есть второй его роман; но так как это полное собрание его сочинений начинается ею, то мы прежде скажем слова два о ней. Роман, как говорится, *сказка добрая*. Он читается скоро и с удовольствием. Главный его недостаток состоит в романической запутанности на манер романов XVIII века. Это влияние старины, очень понятное в пожилом человеке. Будь роман проще и короче, он был бы гораздо лучше. Герой романа добрый, но слабый до пошлости человек, который вечно страдает от своей бесхарактерности, которого не бьет только ленивый и который по-

этому не возбуждает к себе никакого участия. Но вокруг него толпятся интересные портреты, верно списанные с общества того времени. В лице Алимари автор заплатил дань идеальности, которая совсем не в характере его таланта. Оттого из этого лица и вышел какой-то фантом, составленный из риторства, резонерства и мистицизма. Основная мысль целого романа есть оправдание возможности духовидений. Но этой-то мысли роман г. Греча и обязан преимущественно своим успехом. Не входя в отчетливые объяснения по этому предмету, которые бы могли завести нас далеко, мы скажем только, что для нас собственно самый исступленный и, следовательно, самый болезненный мечтатель лучше, нежели рассудительный человек, для которого всё в жизни ясно и определено, как $2 \times 2 = 4$. Вера в чудесное есть добрый элемент в человеке, признак благоговейного и трепетного предощущения таинства жизни; только надо, чтобы эта вера была просветлена мыслию, иначе она может перейти в суеверие и изуверство. Во всяком случае, успех романа г. Греча «Черная женщина», по нашему мнению, говорит много в пользу нашего общества, как доказательство, что в нем есть живая потребность внутренней жизни. Если бы роман был проще и короче, мы еще прочли бы его, еще с большим удовольствием; а то ничтожность главного лица, запутанность и натяжки в запутывании и распутывании происшествий часто ужасно утомляют читателя. Например, таинственный Алимари дает Кемскому бумажку, говоря, что она ему пригодится. Кем-

ский, получа в сражении жестокую рану, падает и вынимает из-за пазухи записную книжку, чтобы взглянуть в последний раз на медальон с портретом своей жены; из книжки выпала записка Алимари, и Кемский, *по какому-то инстинкту (по какой-то натяжке, по нашему мнению)*, прочел ее вслух. Французский полковник спасает его от смерти. Таких хитросплетений в «Черной женщине» гораздо больше, нежели сколько их было бы нужно для простоты и естественности в рассказе событий. Равным образом, есть много сценических натянутостей на манер романов бабушки Жанлис; монологи Алимари и Кемского часто чересчур длинны и фразисты. Алимари рассказывает свою историю, и чуть дело дойдет до воспоминания о его жене, он непременно остановится, чтобы утереть слезу, задушить вздох, а иногда и расплакаться. Но, несмотря на всё это, прекрасный рассказ, многие удачно и верно схваченные черты с общества и времени, множество дельных мыслей, замечаний, местами искусство, местами даже теплота рассказа – всё это делает то, что «роман читается».

«Поездка в Германию, роман в письмах» была дебютом г. Греча на романическом поприще, и дебютом столь удачным и успешным, что как-то невольно жалеешь, зачем г. Греч не остался при одном дебюте. «Поездка в Германию» несравненно выше «Черной женщины». Простота происхождения, простота и, вместе с нею, одушевление, игривость рассказа, верность, естественность в картинах, в изображении харак-

теров, прекрасный, *образцовый* язык – всё это делает «Поездку в Германию» одним из примечательных явлений русской литературы. Представьте себе, что к вам пришел на вечер умный, образованный, любезный, пожилой и опытный человек, словом, один из *бывалых* людей, и притом обладающий даром рассказа; представьте себе, что он хочет занять вас одним из многочисленных своих воспоминаний, и без всяких авторских претензий рассказывает вам простую быль, простое, но тем более интересное событие действительной жизни; вызывает давно знакомые образы, дает им жизнь, заставляет их снова действовать, волноваться, стремиться, желать, любить... Вы не видите, как прошел вечер, вы не замечаете, что уж давно полночь... рассказ кончен, а вы всё еще слушаете... и со вздохом и улыбкою грустного удовольствия подаете доброму рассказчику руку и от души жмете его руку... Вот впечатление от прочтения «Поездки в Германию», и вот лучшая ее характеристика; по крайней мере, мы не умеем сделать лучшей. Герой этого рассказа – лицо несколько не идеальное, но тем более интересное (идеальность надоела нам). Это простой, неглупый, образованный и благородный человек, у которого есть и душа и характер. Героиня тоже простая девушка, без всякой идеальности, но в которую тем больше можно влюбиться без памяти. Картины петербургского чиновничества, семейного быта петербургских немцев, очерки некоторых оригиналов, достолюбезных чудаков, а главное – простота в происшествии, в рассказе, в

чувствах, в языке, но простота, которая соединена с одушевлением, сердечную теплоту, – всё это так мило, так занимательно, что и не видишь, как переворачивается лист за листом, а прочтя последний, с досадою встречаешь «конец». О языке нечего и говорить: молодые люди, которые, не посвящая себя литературе, хотят знать отечественный язык, а тем более молодые литераторы, которые хотят хорошо писать на нем, найдут чему поучиться у Греча. *Сии и ибо* (оных г. Греч не употребляет, хотя и горячо отстаивает их от г. Сенковского) не составляют действительного и важного недостатка в слоге г. Греча, особенно для меня: читая хорошую книгу, даже вслух, я вместо *сих, ибо* и *оных* произношу *эти, потому что, они*, и так привык к этому, что часто хвалю книгу за отсутствие в ней не любимых мною слов. Советую всем враждующим против *сих ибо* и *оных* воспользоваться моим изобретением.^[10]

«Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году, письма к А. Е. Измайлову» и «Действительная поездка в Германию в 1835 году» составляют содержание четвертого тома, а наблюдательность и занимательность составляют главные достоинства этих двух «Поездок». Ныне трудно сказать что-нибудь нового в своем путешествии, и точно в «Поездках» г. Греча встречаешь всё старое, давно известное, но принимаешь всё это за новое, потому что во всем этом, кроме прекрасного изложения, виден оригинальный, самобытный взгляд человека умного и наблюдательного. Например,

как приятно встретиться на подобные замечания: ^[11]

...Они (палерояльские нимфы) одеты по последней моде, смелее и, повидимому, умнее и образованнее других. Но мнимая эта образованность происходит от общего распространения познаний и светского воспитания во всех сословиях французского народа. Один из нынешних русских путешественников назвал весьма удачно это поверхностное распространение образования *расхожим умом*. У французов есть несколько общих *фраз*, которые в употреблении у всех без разбора – у глупых и умных, у невежд и ученых, так что с первого взгляда очень трудно различить, с кем имеешь дело. Заговорите с ученым англичанином или немцем *вдруг* о каком-нибудь предмете, он остановится, подумает и с робостию произнесет ответ, сомневаясь, понял ли вас и так ли отвечает. Англичанин еще, говоря по-французски, *перепробует* все гласные буквы: «E-i-o-a – est-ce que vous vous portez bien?»¹ Француз вмиг отвечает вам своими общими фразами, смотря по *тону*, а не по *содержанию* вашего вопроса, и потом немедленно сам спросит о чем-нибудь, впадет или невпадет! Живая энциклопедия, но подите далее – всё пусто, всё звон, всё блески.

Более всего поразительно и приятно для приезжего в Гамбурге – общее довольство. Один путешественник заметил, что на лице каждого гамбургца написано: я *сыт*. Простой народ деятелен, весел и вежлив.

---

¹ хорошо ли вы себя чувствуете? (*франц.*). – *Ред.*

Черни нет, нищих не встретите. В Гамбурге существует старинный закон, по которому всякий, кто подаст на улице нищему милостыню, повинен, по объявлении о том нищего, заплатить штрафу пять талеров, из которых половину получает доносчик.

В Гамбурге дешевы все вещи, все потребности жизни; дорога только работа рук человеческих. «Мы охотно платим вдвое нашим ремесленникам, – сказал мне один богатый купец, – и радуемся их довольству». Предместия Гамбурга состоят из непрерывного ряда невысоких домов, выкрашенных под кирпич, необыкновенно опрятных и уютных. Из-за светлых стекол в окне видны товары или произведения жильца: сапоги, жестяные вещи, оловянная посуда и пр.; у другого окна сидит хозяйка в чистом платье, в беленьком чепчике; вокруг нее играют миловидные, здоровые дети; на окне пышные розы; в клетке канарейки. Черная работа производится в надворье. Улицы хорошо выметены. Прогуливаясь по предместью св. Георгия, я воображал себя перенесенным в город, построенный на основании Геснеровых идиллий.

Правление в Гамбурге чисто аристократическое. Исполнительная, судебная и полицейская власть находится в руках сената, состоящего из четырех бургомистров и двадцати четырех сенаторов. Три бургомистра и одиннадцать сенаторов должны быть юристами, остальные суть купцы. В важных случаях, при введении новых законов, при преобразовании старых, сенат сзывает граждан, составляющих

несколько сословий, старшин (Oheralten), шестидесяти и ста осьмидесяти адьюнктов, разделяющихся по пяти приходов города. Однажды только случилось, что гражданские сословия не согласились с мнением сената; назначен был особый комитет, и он решил в пользу последнего. Вообще дела общественные идут в Гамбурге тихо, благочинно, к общему удовольствию. Участие народа в правлении ничтожно. Он даже не имеет голоса в выборе сенаторов; по смерти одного из них остальные сами выбирают себе преемника. В Гамбурге уверился я еще более, нежели прежде, что правление всякого народа, всякой земли должно составиться мало-помалу течением времени, требованиями местных обстоятельств и народного характера. Гамбург благоденствует под сим правлением, существующим несколько сот лет, составившимся на деле, а не на бумаге, и благоденствует особенно потому, что обитатели его суть немцы, народ рассудительный, кроткий, довольный малым, совестный в исполнении своих обязанностей, безмолвно повинующийся законам. Дайте это правление французам – увидите, какая выйдет суматоха! Гамбургская республика есть лучшее свидетельство того, что простому народу не должно давать не только воли, но и голоса в делах общественных. В 1830 году, когда вся Европа почувствовала сотрясение от знаменитых дней Июльских, которые в самой Франции отнесены теперь в отделение древней истории, жители гамбургского

предместия св. Георгия, увлеченные примером Бельгии, Саксонии, Гессена и пр. и подстрекаемые иностранными эмиссарами, вздумали толковать о деспотизме сената и требовали у него сравнения в правах с обывателями старого города. Сенат выгнал присланных к нему депутатов, приказал вывести войско (2000 человек, под командою храброго русского полковника Стефани), зарядить пушки и объявил, чтоб жители предместия безусловно и в тот же час покорились. Нечего было делать! Демагоги умолкли. Войска воротились в казармы. Прошел год в тишине и повиновении. Тогда сенат сам предложил предместию прислать депутатов с представлениями о желаниях обывателей, выслушал их и согласился на *покорные просьбы*. Немцам свойственна, в высшей противу других народов степени, изящная гражданская добродетель: *чувство исполнения своих обязанностей* (Pflichtgofuhl). Нигде, я думаю, нельзя найти таких исправных, трудолюбивых и совестных должностных людей и вообще граждан, как в Германии. Взятки у них – вещь неслыханная. Бывают ошибки, случается пристрастие, происходят злоупотребления, но это исключение из правила. Я слышал в Гамбурге единогласную хвалу бескорыстию, честности и беспристрастию тамошних судей и чиновников. То же можно сказать и о других землях германских, преимущественно о Пруссии.

Жалею, что тесные пределы рецензии не позволяют нам сделать выписок об общественных заведениях Гамбурга, которые, как *факты*, подтверждают *мысль* почтенного путешественника, как-то: о пожарных учреждениях, о сословии *спасителей* (Menschenretter), которые пробираются в захваченные пламенем дома и стараются спасти людей, не успевших выбраться; о градской больнице, о множестве человеколюбивых заведений, основанных частными людьми на свои средства; о сиротском доме, о *младенческих школах* (Warteschulen), о *диком доме* (das rauche Haus), куда отдаются на исправление дети с испорченною нравственностью. Мы не намерены писать подробного разбора путешествий г. Греча; но желали бы упомянуть обо всем этом, как доказательстве, что его взгляд на гамбургское правление, как выражение народного духа гамбургцев, верен и светел. Но вот еще маленькая выписка – последняя; она заключает в себе одно из тех простых практических замечаний, которые должны повторяться и распространяться благонамеренными людьми:

Более всего поражает странника в Пруссии общее благоустройство: во всем видишь порядок, стройное действие всех пружин правления, беспристрастное правосудие, кроткую снисходительность к слабостям

людским и строгое преследование порока и преступлений. Это происходит от личных достоинств короля, от твердости государственных постановлений и сообразности их с целию государства и от распространения образованности, на которой основана общая нравственность. Впрочем, как я уже сказал выше, и врожденное немцам праводушие в исполнении обязанностей во многом способствует успешному достижению намерений благолюбивого правительства. В Пруссии всяк может удостовериться, что так называемые репрезентативные, или представительные формы отнюдь не составляют необходимости благоустроенного и счастливого государства. Здесь нет парламентов и палат, в которых, по прихоти несмысленной, а иногда подкупленной толпы, выбирающей своих представителей, министры королевские обременяются упреками и оскорблениями; здесь нет журналов, в которых буйные, злонамеренные, а чаще всего сребролюбивые писаки своею нескромностью, дерзостью и живостью на каждом шагу останавливают действия верховной власти и самые благие ее намерения представляют в виде превратном и ненавистном. Здесь государь окружен избранными им, благонамеренными, просвещенными, добродетельными сановниками, которые совестно исправляют веления высшей воли посредством чиновников образованных и честных; здесь не возбраняется никому говорить, что ему угодно: но коль скоро это позволение употребляется во зло, правительство ставит ему пределы. Сравните

спокойное действие государственного организма Пруссии, благое влияние ее на соседственные державы с криком, визгом и треском представительной паровой машины французской, которая жаром и кипятком обдаёт и чужих и своих!

Теперь остается нам сказать несколько слов о статье, в виде предисловия приложенной к V тому, под титулом «К портрету Николая Ивановича Греча». Она писана приятельскою рукою, которая, заступаясь за друга перед врагами, истинными и мнимыми, не забыла и себя.^[12] Во всем этом мы не видим худа, но – видите ли? – дело часто не в самом деле, а в манере, с которою выполняется. По манере узнают сословие, к которому принадлежит человек; по манере узнают и школу, к которой принадлежит писатель. Манерою Александр Анфимович отличается от всех писателей, и многие из них только манерою и выше его, тогда как разница, повидимому, в таланте.^[13] Да, манера – великое дело. Послушайте:

Пусть станет перед нами кто-нибудь и скажет, что Греч отказал ему в помощи, в содействии, в совете, с пожертвованием собственного труда и времени, а часто и достояния, когда видел в предприятии пользу, честь и славу литературы! Весьма часто случалось, что эта готовность к помощи ближнему была перетолкована в дурную сторону и что те, которых он поставил на ноги, делались его врагами, находя в том свои собственные выгоды. Смело скажу, что из всех русских литераторов никто больше Греча не действовал в пользу других

(в самом деле *смело* сказано!) и никто более его не испытал неблагодарности. Но это не сделало его человеконенавистником. Посердясь в первые минуты, он обыкновенно заключает пело эпиграммою или каламбуром, и никогда мечь не приходила ему в голову. Сердце его всегда открыто для добрых людей, а бумажник для неимущих. Те крайне ошибаются, которые рассчитывают, что Греч имеет столько, сколько он мог бы иметь, если бы не был тем, что он в самом деле! (Странно слышать о живом авторе такие *домашние* подробности!) У него, по русской пословице, последняя копейка ребром! Главный его (т. е. *наш*) недостаток есть тот, что мы *думаем вслух* и все вещи называем *по имени!* Ни лета, ни рассудок, ни опытность, ни претерпенные *нами* горести не исправили *нас*, и на *нас* сбылась пословица: *горбатого исправит могила.* Мы беспрестанно советуем друг другу придержать язычок – и грешим, так сказать, забываясь. Но никогда не жалили *мы* эпиграммою чести, правды, заслуги, истинного достоинства и таланта, никогда не насмехались над полезным, высоким, благородным! Зато не попадайся *ворона в павьих перьях, лиса в львиной шкуре* или *волк в пастушеском наряде.* Тотчас разоблачим! Виноваты – извините, такова натура!^[14]

Конечно, всё, может быть, и правда, особенно когда дело идет не о «мы», а об «он»; конечно, всё это очень откровенно; но, во-первых, если сознание своего личного достоинства очень позволительно, то суд о себе вслух и в свою пользу,

знаете... неловко как-то... во-вторых – манера, манера, манера!.. Другой сказал бы то же, да не так... Впрочем, и то сказать: всякий должен быть самим собою, чтоб тем легче было узнать его...

В заключение скажем, что это издание сочинений г. Греча если не роскошно, то опрятно и красиво. Оно украшено пятью прекрасно выгравированными картинками (из которых три представляют сцены из романов, четвертая вид Эльфельда, пятая вид Рейнского водопада) и портретом автора. Нам очень нравятся и эпиграфы: они все из старых писателей, из которых некоторые только выступили в молодости Греча, а другие гремели в его время и потому связаны с лучшими и приятнейшими его воспоминаниями.

От полного собрания сочинений Н. И. Греча перейдем к его брошюрке.

112. Литературные пояснения. Санкт-Петербург. 1838. В типографии Н. Греча. 34 (8).^{115]}

В апрельской книжке «Библиотеки для чтения» нынешнего года, в отделении «Литературная летопись», напечатана статья о новоизданных моих сочинениях, написанная умно, учтиво и с большим ко мне снисхождением. Имея все причины быть довольным ею и благодарить ее автора, считаю однако нужным сделать к ней примечания, которые кажутся мне не излишними и сверх того могут пояснить предмет, очень для нас важный и любезный – свойства и требования милого

нам языка русского.

Так начинается брошюрка г. Греча, и это начало дает понятие о ее содержании. Оно в самом деле двойное: г. Сенковский и русский язык разделяют в нем внимание читателя.

Г-н Булгарин в биографии друга своего, Н. И. Греча,^[16] сказал о нем, что он «формально был избран петербургскими литераторами в редакторы «Библиотеки для чтения»». Г-н Сенковский возразил на это, что ««Библиотека для чтения» никогда не издавалась от имени всех русских литераторов».^[17] В опровержение г. Сенковского, Николай Иванович ссылается на слова г. Булгарина, сказанные им печатно в 1833 г., что «г. Смирдин решился соединить *всех* литераторов в одном предприятии и с этою целию вознамерился издавать журнал «Библиотека для чтения», сотрудниками которого согласились быть *все русские писатели*, все поэты и прозаики, приобретшие славу, известность или просто благоволение публики».^[18] Г-н Греч прибавляет к этому, что если бы в словах г. Булгарина заключалась неправда или преувеличение, то писатели не преминули бы тогда же возразить на это. С этим нельзя не согласиться. Далее г. Греч говорит, что, не будучи избран в редакторы *формально*, он принял предложение г. Смирдина надзирать за слогом и языком его журнала и, вместе с г. Сенковским, сделался его редактором. В феврале 1834 г. г. Сенковский отказался от звания редактора, и остался один г. Греч, который в свою очередь отказался от этого редакторства, сделавшись редакто-

ром «Энциклопедического лексикона». «Тогда,^[19] – говорит он, – исчезли и имена сотрудников с главного листа, между тем как в объявлениях о продолжении «Библиотеки» повторялось, что все прежние литераторы в ней участвуют. Тщетно некоторые из них объявляли, что давно уже прекратили всякое с нею сообщение...» Возражая г. Сенковскому на замечание, что г. Греч только *слегка* исправляет слог в статьях «Библиотеки для чтения», последний замечает, что он точно не позволял себе изменять мыслей автора, не дерзал ничего исключать, а тем менее навязывать своего, словом, переделывать или пародировать, а только исправлял слог, очищая его от барбаризмов, солецизмов и других жестоких грамматических ошибок. Мы, с своей стороны, такое уважение к чужому труду почитаем благородным качеством; но думаем, что г. Греч слишком увлекся своею мыслию. Почему не переделать статьи, если автор на это согласен? Без согласия же авторского и г. Сенковский, известный своею страстию переделывать чужие статьи, на это, вероятно, не решается: иначе кто же бы согласился помещать свои статьи в его журнале?

Г-н Булгарин сказал, что слог в первом году «Библиотеки для чтения», во время редакторства Н. И. Греча, *был как жемчуг*: Николай Иванович, понимая цену такой похвалы, называет ее дружеским преувеличением или, говоря языком нынешних реформаторов, *амикальною экзажерациею*. Из булыжного камня, прибавляет он, жемчужины не выточишь – делано было, что можно.

Второй спорный пункт брошюрки заключается в отзыве г. Сенковского о слоге г. Греча в «Черной женщине», выраженном в следующих словах: «Язык в «Черной женщине», по пристрастию автора к некоторым мертвым словам, может показаться теперь в глазах девяти десятых России несколько устарелым и даже диким». В ответ на это обвинение, г. Греч выписывает похвалы, которыми, назад тому *четыре* года, встретил г. Сенковский его роман: «приятный, светлый слог» (стр. 20); «прекрасные мысли, выраженные с очаровательною простотою» (там же); «заманчивость слога и содержания» (стр. 43); «страницы высокого красноречия» (стр. 44).^[20] Здесь г. Греч останавливается и с недоумением восклицает:

Теперь не прошло четырех лет, а уж этот самый приятный, светлый, очаровательный, заманчивый, красноречивый слог – обветшал и одичал! Итак, в русском языке произошли в это время важные перемены? Возникли новые оригинальные писатели и вытеснили прежних литераторов; появились книги, написанные слогом, который оставил далеко за собою слог писателей прежнего времени? Нет, ничего этого не бывало. В эти годы мы испытали одни утраты: писатели, содействовавшие более других к усовершенствованию и обогащению языка, преждевременно сошли в могилу. Где же эти усовершенствования, это обновление русского языка? – Критик не заставляет нас долго томиться недоумением. С невыразимым простодушием

сознательного гения он прямо говорит: «Это несчастье (обветшалость и одичание гречева слога), которому *мы* отчасти причиною».

Итак, дело дошло до вопроса о преобразовании русского языка г. Сенковским. Почитая дело русского языка близким к себе по многим отношениям, г. Греч решается окончательно исследовать вопрос о преобразовании, к чему и приступает следующим суждением о «Библиотеке для чтения»:

«Библиотека для чтения» есть бесспорно один из лучших наших журналов. В ней принимают участие многие хорошие писатели; в ней помещаются переводы прекрасных статей, ученых и литературных, из журналов иностранных; в ней есть полнота, разнообразие. Исправность ее выхода обратилась в пословицу. Жалуются на незанимательность многих статей, помещаемых вместо балласту, на цинизм и безвкусие некоторых мыслей, картин и выражений, на странные выходки против философии и учености германской, на беспрерывные насмешки и тупые эпиграммы, которыми испещряются даже ученые и сурьезные статьи. Но угодишь ли на всех; есть люди, есть читатели «Библиотеки», которым именно нравится, что другие порицают. Действительный порок этого журнала, препятствующий ему решительно действовать на публику, заключается в дурном его слоге и варварском языке. Из этого, разумеется, должно исключить помещаемые в «Библиотеке» статьи посторонних авторов, которых редакция коснуться не

смеет. Оригинальные статьи «Библиотеки» кажутся дурными переводами с какого-то неизвестного нам языка. Слог в них шероховатый, грубый, тяжелый и до крайности неправильный. И между тем «Библиотека» (позвольте употреблять эту метонимию, для избежания собственных имен) громогласно объявляет, что она очищает язык русский, что она одна хорошо пишет по-русски, что русские писатели, старающиеся наблюдать в своих сочинениях чистоту, правильность, благородство, гармонию, – несчастные, запоздалые, заблудившиеся странники в монгольских степях русского слова. И Карамзин, и Пушкин, и Державин, и Грибоедов – жалкие пигмеи пред великим Бароном Брамбеусом! Разберем это подробнее.

От этого г. Греч переходит к гонению, воздвигнутому г. Сенковским на *сии* и *оние*, говоря мимоходом, что это гонение отнюдь не новое, что оно уже было предпринимаемо слепыми поклонниками Карамзина, и до такой степени, что лет за сорок назад употреблять *сии* и *оние* – значило объявить себя человеком без вкуса. Затем следуют доказательства в пользу *сих* и *оних*.^[21]

Остановимся на этом и выскажем, со всею искренностью, со всем беспристрастием к обеим спорящим сторонам, с которыми обеими мы несогласны, наше мнение. Начнем с нашего мнения о «Библиотеке для чтения», перейдем к реформе г. Сенковского и кончим *сими* и *оними*. Спор совсем не так маловажен, как думают.

Мы не хотим писать разбора или критики на «Библиотеку для чтения»; но мы хотим в нескольких словах выговорить наше мнение о ней, чтобы тем лучше решить вопрос о *сих* и *оных*, как это сделал и сам Н. И. Греч. По нашему мнению, «Библиотека для чтения» прежде всего журнал полезный, и мы от всей души желаем ей продолжения того же успеха у публики, которым она так заслуженно всегда пользовалась. Разнообразие и полнота содержания, аккуратный выход книжек, без сомнения, много способствуют ее успеху; но она одолжена им еще двум качествам, гораздо больше значительным и важнейшим, которые очень походят на недостатки и потому служат предметом жесточайших нападков и порицаний ее противников. Это – ее самобытность до односторонности и язык. Давно уже решено и не требует никаких доказательств то, что журнал должен иметь свой характер, свой образ мнений, свою, так сказать, личность вследствие мысли, которая служит основанием всех его действий.^[22] Беспристрастная абсолютность и универсальность вредит журналу, потому что без парциальности (*partialite*) он бесцветен, холоден, мертв. И у «Библиотеки для чтения» есть свой характер, потому что есть мысль, которую можно назвать *положительностию в искусстве и в знании*. Поэтому «Библиотека» непримиримый враг умозрения, философии. Повторяем: это не порок, а достоинство. Представляя собою, в этом отношении, диаметрально противоположность редактору «Библиотеки», мы тем более уважаем

этот журнал. Без разности и противоположности во мнениях не было бы ни жизни, ни движения, ни прогресса. Во всякой мысли, во всяком учении есть своя сторона истины, и всё благо, всё добро! Пусть думает всякий, как хочет; простор и уважение всем мнениям, всем учениям! Дорога мысли широка; пусть всякий идет своей дорогой, не зацепляя других; пусть всякий развивает свои понятия, уважая чужой образ мыслей, хотя бы и не разделял его. Есть большая разница между самобытностью и задорливою односторонностью, которая не столько хочет заставить себя слушать, сколько хочет заставить замолчать других. Итак, у «Библиотеки для чтения» есть свой оригинальный образ мыслей, которым проникнута всякая статья ее, всякая строка, который составляет главную ее силу и опору. Эмпиризм не сухой и пошлый, но проникнутый жизнью мысли есть душа этого журнала. И повторяем: потому самому, что мы почитаем себя подборниками совершенно противоположного учения, потому самому и интересен для нас этот эмпирический журнал: в нем есть своя сторона истины, следовательно, своя действительность. Но что составляет его главное достоинство, то самое составляет и его главный недостаток: парциальная односторонность доводит его до крайней нетерпимости. Проповедуя уважение к чужому мнению, «Библиотека» не уважает решительно ничьего мнения. Ни всемирная слава, ни европейский авторитет, ни заслуги, ни ученость – ничто не защита от ее ожесточенных нападков. Она не постыдилась унизиться

до брани против Велланского, почтенного старца, славного своею глубокою ученостию – плодом деятельной жизни, посвященной служению истине. Шеллинг и Гегель в ее глазах не больше, как шарлатаны или много-много, если сильные умы, помешавшиеся на сумасбродных идеях.^[23] И всё оттого, что эти люди не эмпирики, а рациональные мыслители, которые, сверх того, не только не верят «Библиотеке», но и не читают ее. Что делать? – истина и заблуждение так близко граничат друг с другом в делах человеческих, что часто одно необходимо предполагает другое! Ограниченность есть условие всякой силы!..

Другое достоинство «Библиотеки для чтения» – это ее язык. Н. И. Греч в своей брошюрке выписывает из журнала г. Сенковского фразы, которые грешат против духа русского языка и часто против основных правил русского синтаксиса, и на этом основывает свои доказательства, что редактор «Библиотеки» не умеет писать по-русски и не совершенствует, не преобразовывает, а только портит наш прекрасный язык. Это кажется нам преувеличенным. У какого писателя не найдете вы обмолвок против языка, особенно при срочной журнальной работе, и тем более у такого, который пишет не на своем родном языке? Что касается собственно до меня, то, очень хорошо видя сам много таких обмолвок, и очень важных, я в то же время во всех статьях «Библиотеки для чтения» вижу какую-то легкость, разговорность, так что иногда невольно увлекаюсь чтением статей даже по части

сельского хозяйства, которые нисколько не могут меня интересовать своим содержанием. И очень многие согласны со мною в этом. Да, можно сказать смело, – и почему же не сказать! – всякому свое! – можно сказать смело, что г. Сенковский сделал значительный переворот в русском языке; это его неотъемлемая заслуга. Как все реформаторы, он увлекся односторонностью и вдался в крайность. Изгнавши, – да, *изгнавши* (сам г. Греч признается, что, к сожалению, увлеклись этим потоком и молодые люди с талантом) из языка разговорного, общественного, так сказать, комнатного, *сии* и *оние*, он хочет совсем изгнать их из языка русского, равно как и слова: *объемлющий, злато, младой, очи, ланиты, уста, чело, рамена, стопы* и пр. Увлечшись своею мыслью, он не хочет видеть, что слог в самом деле не один, что самый драматический язык, выражая потрясенное состояние души, разнится от простого разговорного языка, равно как драматический язык необходимо разнится от языка проповеди. Не говорим уже о различии стихотворного языка от прозаического.

Но в любви юноши соединялось всё святое и прекрасное человека; ее роскошным огнем жила жизнь его, как блестящий, благоухающий албес под опалю солнца; юноше были родными те минуты, когда над мыслью проходит *дыхание бурно*: те минуты, в которые живут века; когда ангелы *присутствуют таинству* души человеческой и зародыши будущих поколений со

страхом внимают решению судьбы своей.^{2{29}}

Не правда ли, что это превосходный отрывок высокого, поэтического красноречия, хотя между тем таким языком и никто не говорит?

И день настал. Встает с одра
Мазепа, *сей* страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.^[24]

Или:

Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов!^[25]

Здесь слово *сей* незаменимо, и *этот*, если бы оно и подошло под меру стиха, только бы всё испортило. Но вот и еще пример:

И знойный остров заточенья
Полночный парус посетит,
И путник слово примиренья
На *оном* камне начертит,^[26] и пр.

---

² Из пьесы кн. Одоевского «Насмешка мертвого».^[29]

^{29} Повесть «Насмешка мертвеца», вошедшая в цикл «Русские ночи» (Ночь четвертая). Курсив Белинского.

В последнем стихе слово «этом» подошло бы даже и под метр; но тысячи *этих* не заменили бы здесь одного *оного*; это так, потому что так, как говорит г. Греч.^[27] Есть вещи, о которых трудно спорить, которые не поддаются мысли, когда чувство молчит. И на *сии* и *оние* в стихах могут решаться только истинные поэты: их поэтический инстинкт всегда и безошибочно покажет им не возможность, но необходимость употребления этих слов там, где есть эта необходимость. Но *сии* и *оние*, употребляемые в прозе, хотя бы то было и прозе самого Пушкина, – доказывают или предубеждение и желание делать вопреки не истине, а человеку, который сказал истину, или неумение управиться с языком. Конечно, отрадно и умилительно для души прочесть на воротах дома: «*Сей* дом отдается внаймы, с сараями и без *оних*», но ведь это слог дворников. Мы никак не можем понять, почему *сей*, которым начинается история Карамзина, не может быть заменено словом *этот*, как утверждает г. Греч.

Нет, почтеннейший Николай Иванович, что ни говорите, а нельзя отринуть важного и сильного влияния «Библиотеки» на русский язык. Если она ошибается, думая, что богословские и философские истины должны излагаться таким же языком, как статьи о сельском хозяйстве и ее «Литературная летопись», то она права, доказывая, что в романе, повести, журнальной статье *сии* и *оние* никуда не годятся и что изгнание их из общественного языка должно служить к его гибкости, заставив искать новых оборотов, которые помогут

обойтись без книжных слов. Вы сами говорите, что этим словам не может быть места в комедиях, в повестях, подражающих изустному рассказу, в разговорах, в дружеских письмах и т. п.; *теперь* и не одни вы говорите, *теперь* это все говорят; но кто причиною, что это теперь *все* говорят? Вы говорите, что слово *сей* должно быть терпимо в книгах исторического и дидактического содержания, в деловых бумагах; а почему? Разве дух такого рода сочинений требует этого; разве в них живое слово *этот* слабее, сбивчивее, темнее выражает мысль, и разве оно в них *страннее, диче*, нежели книжное слово *сей*? Нам кажется, что в этом случае простое, непосредственное чувство лучше всего решает вопрос: как-то неловко произнести это слово, читая книгу, когда его нельзя без смеху произнести, говоря.

Вы называете *сей* и *оньй* местоимениями – а по какому праву? Уважаем ваше глубокое знание духа и свойств русского языка, ваши важные заслуги по этой части, но на слово не поверим вам. Местоимение заменяет имя и потому может быть подлежащим в речи, не заставляя подразумевать *при себе* имени, но заставляя подразумевать *за себя* имя; но *сей* и *оньй*, равно как *тот* и *этот*, всегда имеют при себе имя, которое *определяют* собою или заставляют его подразумевать при себе. Очевидно, что это слова определительные.^[28] Вы говорите еще, что *оньй* необходимо для различения в именительном и винительных падежах имен, предметов личных и неодушевленных и что *оное* в этом случае не может быть

заменено *ego*; – прекрасно, но если никто не прибегает к этому средству для ясности? Вольно, отвечаете вы. Нет, не вольно, а невольно, возражаем мы вам: филологи, грамматики и литераторы не творят языка, а только сознают его законы и приводят их в ясность; язык творится сам собою, и даже не народом, а из народа.

Не говоря о слоге, посмотрите, что у нас делается в правописании, которое у всякого журнала, почти у всякой книги *свое*. Что это значит? То, что язык еще не установился ни в каком отношении. И где же ему установиться, когда у нас пишут уже давно, а говорить только еще начинают? Без живого участия общества одни литераторы не сделают всего, а общество наше по-французски знает лучше, чем по-русски. Но самая разноголосица в орфографии показывает уже движение единства. Нелепые попытки уничтожатся сами собою, а удачные, в духе языка сделанные нововведения удержатся и примутся всеми. Поэтому кому какое дело до других; пусть всякий пишет, как признает за лучшее. Но вот факт: давно ли произошла эта разноголосица в орфографии? И вот другой факт: в этой разноголосице уже не начинается ли какое-то единогласие, т. е. уже не приняты ли некоторые правила всеми без исключения? И вот еще третий факт: в новом издании ваших сочинений, почтеннейший Николай Иванович, нет ли в орфографии значительных против прежнего изменений? Кажется, что есть? – справьтесь-ко. А кто причиною этого изменения в правилах орфографии, со стороны

опытного учителя русского языка? – предоставляю вам самим угадать...

Брошюрка г. Греча есть образец сильной, энергической и в то же время благородной полемики. Увлекаясь иногда страстием, автор говорит много и истинного, глубоко верно о языке вообще и русском в особенности. Советуем всем молодым людям читать его брошюрку, а для доказательства, что наш совет полезен, выписываем из нее еще отрывок.

Только тот из писателей может подвинуть язык, кто им обладает в совершенстве, кто всосал его с молоком матери, кто на этом языке думает, кого другой язык не смущает и не сбивает с толку. И этот писатель тогда только будет успешно действовать на язык, когда он, как мы выше сказали, напишет творения, и по содержанию своему достойные перейти в потомство. Так действовали в свое время и действуют на свой язык Кантемир, Ломоносов, Державин, Карамзин, Озеров, Грибоедов, Пушкин, Жуковский. В них творчество соединялось с совершенным знанием языка, знанием не приобретенным, не вычитанным, не нахватавшимся, а врожденным, воспитанным с ними самими.

Всякий язык состоит из трех частей. Первая часть, *материальная*, есть данное ему количество слов, предмет лексикографии. Вторая, *формальная*, – окончания, изменения, сочетания данных слов, дело грамматики. Третья часть есть *духовная*, метафизика языка, дух его, органическая его жизнь, неосоздаемое, невидимое, таинственное наследие народа. Вы можете

выучить все слова языка, можете знать все его формы, всегдашние и неизменяющиеся, но при всем том не будете в состоянии выражаться этим языком, если не вникнете в дух его. В первых двух отношениях я могу сказать вам: «Это слово не употребительно; посмотрите, его нет в лексиконе; изберите, вот это» или: «Это окончание неправильно на основании такого-то параграфа грамматики; напишите вот так». В третьем — нет доказательств печатных. Это дух, страсть, любовь. Это так, потому что так...

Да, это сильно, энергически, даже красноречиво. Тут вы видите человека, вошедшего в свою сферу, живо затронутого в том, что составляет сущность, действительность его жизни.

Несправедливо было бы требовать у «Библиотеки» строгого отчета о языке в последнем его отношении. Мы с нею не поняли бы друг друга.

Так заключает Греч свои мысли о языке, и это отчасти справедливо; но тем более чести иноплеменнику, который до того успел в чуждом ему языке, что почел себя вправе (хотя и преувеличенно, но не совсем безосновательно) объявить себя его преобразователем.

«Не требуем, — говорит Греч в конце своей брошюры, — не требуем, чтоб директор «Библиотеки» и его сотрудники писали лучше, чище, правильнее: всяк пишет, как может, но можем требовать, чтобы этот варварский язык не был

называем образцовым и обработанным; чтоб в «Библиотеке для чтения» не осыпали насмешками, не оскорбляли гордым презрением тех из русских писателей, которые не поклоняются златому тельцу Барона Брамбеуса». Требование справедливое! – прибавим мы от себя. В самом деле, если бы г. Сенковский имел и оказывал побольше внимания и уважения к чужому мнению и чужой личности, если бы он не вдавался в исключительную односторонность и не делал часто шуму из пустяков, т. е. из каких-нибудь *сих* и *оних*, попавшихся ему в плохой книжонке, и не лишал хорошего сочинения заслуженной хвалы только за *сии* и *оние*, то его справедливые и дельные мысли о преобразовании русского языка были бы приняты всеми с большим уважением. Фанатизм, в чем бы то ни было, сам себе вредит. Впрочем, истина не замедлит отделиться от лжи, и потому – всё хорошо, господа!..

Комментарии

1.

«Моск. наблюдатель» 1838, ч. XVIII, июль, кн. 1 (ценз, разр 21/IX} отд. IV, стр. 92–110. Без подписи.

2.

Имеется в виду рецензия Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина» («Сев. пчела» 1830, № 35).

3.

Напечатано в газете М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий» (1831, № 1), которая совместно с «Сев. пчелой» Булгарина травила Пушкина.

4.

Речь идет о «Библ. для чтения», «Моск. наблюдателе» периода 1835–1837 гг. и о «Сев. пчеле».

5.

Белинский имеет в виду статью Гоголя: «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанную в пушкинском «Современнике» (1836, № 1). Здесь Гоголь, сделав ряд критических замечаний по адресу «светского» «Моск. наблюдателя», наиболее острой критике подверг «Библ. для чтения» и беспринципную «Сев. пчелу». См. н. т., стр. 181–183.

6.

Романы Греча – «Поездка в Германию» (СПб., 1830) и «Черная женщина» (СПб., 1834); повесть – «Отсталое. Будущая повесть» («Библи. для чтения» 1834, № 6).

7.

Наиболее известные грамматики Греча: «Практическая русская грамматика» (СПб., 1827; 2-е изд. – 1834), «Пространная русская грамматика» (СПб., 1827; 2-е изд. – 1830), «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828; 6-е изд. – 1838).

8.

«Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы» вышла в 1822 г. (изд. 2-е – в 1830–1833 гг.).

9.

Хрия – термин школьной риторики, означающий систему правил для развития предложенной темы. В «Общей реторике» Кошанского (см. ИАН, т. III) приводилось 24 приема к «приобретению и расположению мыслей». Древнейший сборник хрий был составлен ритором Афтонием или Автонием (III–IV вв.), от имени которого и

самые хрии получили название автониановских.

10.

О «сих» и «оных» и об отношении к ним Греча и Сенковского см. н. т., № 67.

11.

Дальше приводятся цитаты из «Поездки во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 г.» (письмо VIII) и «Действительной поездки в Германию в 1835 г.» (главы IV, V, IX), с сохранением курсивов подлинника.

12.

Предисловие подписано Фаддеем Булгариным.

13.

Александр Анфимович Орлов, – автор многочисленных романов, рассчитанных на вкусы мещанского читателя. Говоря о «многих», Белинский, очевидно, имеет в виду Булгарина как автора исторических и нравоописательных романов. Объединение имен Булгарина и Орлова, столь нелестное для Булгарина, у Белинского встречается нередко.

14.

Слова «нами», «смело», «домашние», «нас», «мы» подчеркнуты Белинским; слова в скобках – вставки

Белинского, за исключением слов «т. е. наш».

15.

«Моск. наблюдатель» 1838, ч. XVIII, июль, кн. 1 (ценз. разр. 21/IX), отд. IV, стр. 110–122. Без подписи.

16.

В предисловии к V тому «Сочинений Н. Греча» (см. н. т., стр. 540).

17.

Статья в «Библ. для чтения» о «Сочинениях Н. Греча» (1838, № 4) напечатана без подписи, но Греч счел ее автором Сенковского.

18.

Булгарин писал так в № 300 «Сев. пчелы» за 1833 г.

19.

Курсив Белинского.

20.

Цифры в скобках (20, 43 и 44) обозначают страницы рецензии на роман Греча «Черная женщина» в «Библ. для чтения» (1834, т. IV, отд. V).

21.

О полемике между Гречем и Сенковским см. ироническую заметку Белинского «Литературная тяжба о сих и этих» в первом номере «Моск. наблюдателя», вышедшем под редакцией Белинского (см. н. т., № 67).

22.

Еще в 1836 г., в статье «Ничто о ничем...» (см. н. т., № 1), Белинский определил общее направление «Библи. для чтения» и со всей решительностью выступил против недобросовестности, нечистоплотности Сенковского как журналиста и критика.

23.

Белинский имеет в виду статью «Германская философия», напечатанную в № 6 «Библи. для чтения» за 1835 г. Подобные суждения о немецкой философии встречаются неоднократно, и в других статьях журнала Сенковского; они содержатся также в повести К. Масальского «Дон-Кихот XIX века» («Библи. для чтения» 1835 г., № 2).

24.

Из «Полтавы» Пушкина. Песнь 2.

25.

Из стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой...»

26.
Из стихотворения Пушкина «Наполеон».

27.
См. н. т., стр. 549.

28.
Эта же мысль высказана Белинским в его «Основаниях русской грамматики» (см. н. т., стр. 608–609).

29.
Повесть «Насмешка мертвеца», вошедшая в цикл «Русские ночи» (Ночь четвертая). Курсив Белинского.